

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

о разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях»

город Санкт-Петербург

19 ноября 2009 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Л.Кононова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, А.Я.Сливы, В.Г.Стрекозова, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

с участием представителя Верховного Суда Российской Федерации, обратившегося в Конституционный Суд Российской Федерации с ходатайством о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П, – судьи Верховного Суда Российской Федерации В.А.Давыдова,

руководствуясь частью первой статьи 21, частями первой и второй статьи 83 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании вопрос о разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях».

Заслушав сообщение судьи-докладчика Ю.М.Данилова, объяснения представителя Верховного Суда Российской Федерации В.А.Давыдова, выступления приглашенных в заседание постоянного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации А.Н.Харитоновой, представителя Совета Федерации – доктора юридических наук Е.В.Виноградовой, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.В.Кротова, полномочного представителя Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.Ю.Барщевского, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации В.П.Лукина, а также представителей: от Генерального прокурора Российской Федерации – Т.А.Васильевой, от Министерства юстиции Российской Федерации – Е.А.Борисенко, от Министерства внутренних дел Российской Федерации – Н.И.Шелепанова, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Пунктом 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» предписано, что с момента вступления в силу данного Постановления Конституционного Суда Российской Федерации и до введения в действие соответствующего федерального закона, обеспечивающего на всей территории Российской Федерации каждому обвиняемому в преступлении, за совершение которого федеральным законом в качестве исключительной меры наказания установлена смертная казнь, право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, наказание в виде смертной казни назначаться не может независимо от того, рассматривается ли дело судом с участием присяжных заседателей или иным составом суда.

В настоящее время суды с участием присяжных заседателей действуют на всей территории Российской Федерации, за исключением Чеченской Республики, где они начнут функционировать с 1 января 2010 года: с этого момента, согласно пункту 5 статьи 8 Федерального закона от 18 декабря 2001 года № 177-ФЗ «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», в Чеченской Республике вводится в действие пункт 2 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации, закрепляющий право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, в том числе по обвинению в преступлении, в качестве исключительной меры наказания за которое предусмотрена смертная казнь.

Верховный Суд Российской Федерации просит разъяснить предписание пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда

Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П, поскольку полагает, что оно может породить противоречивую правоприменительную практику по вопросу о возможности назначения наказания в виде смертной казни после введения судов с участием присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации.

Неоднозначное понимание этого предписания, считает заявитель, обусловлено тем, что Российской Федерацией в соответствующих правовых формах выражено согласие с международно-правовыми актами, направленными на отмену смертной казни в мирное время: в частности, подписав 16 апреля 1997 года Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Российская Федерация обязана, как того требует статья 18 Венской конвенции о праве международных договоров, воздерживаться от действий, которые лишили бы данный Протокол его объекта и цели, до тех пор, пока не выразит своего намерения не стать его участником; между тем до настоящего времени Российская Федерация не ратифицировала Протокол № 6, но и не выразила своего намерения не стать его участником.

2. Согласно пункту 3 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу являлись нормативные положения, содержащиеся в статье 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, а также в пунктах 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях», послужившие основанием для отказа обвиняемым в преступлениях, за совершение которых федеральным законом установлено наказание в виде смертной казни, в реализации права на рассмотрение их дел судом с участием присяжных заседателей, гарантированного статьей

20 (часть 2) Конституции Российской Федерации. При этом конституционность установления федеральным законом исключительной меры наказания в виде смертной казни заявителями не оспаривалась и потому предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации не являлась.

2.1. По смыслу статьи 83 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации вправе давать официальное разъяснение вынесенного им решения только в пределах содержания данного решения, по предмету, относящемуся к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, и только в том случае, если поставленные в ходатайстве вопросы требуют какого-либо дополнительного истолкования решения по существу.

Необходимость в разъяснении постановления Конституционного Суда Российской Федерации может возникнуть, в частности, если предписания об особенностях его исполнения, являющиеся в силу статьи 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» неотъемлемой частью самого постановления, требуют дополнительного истолкования с учетом содержания правоотношений, в связи с которыми Конституционный Суд Российской Федерации рассматривал дело.

При установлении порядка исполнения своего решения Конституционный Суд Российской Федерации – исходя из того что положения о прямом действии и строгом соблюдении Конституции Российской Федерации, закрепленные ее статьей 15 (части 1 и 2), обращены ко всем органам публичной власти и их должностным лицам – вправе определять режим применения норм, являвшихся предметом его рассмотрения, а также норм, находящихся с ними в неразрывном системном единстве, с тем чтобы исключить их неконституционное истолкование в правоприменительной практике.

Правовая позиция, обосновывающая тот или иной режим применения норм, являвшихся предметом рассмотрения Конституционного Суда

Российской Федерации, может стать предметом разъяснения соответствующего постановления, в том числе с учетом действия этого постановления во времени, а также исходя из его системной связи с другими решениями Конституционного Суда Российской Федерации и другими нормативными правовыми актами в правовой системе Российской Федерации.

2.2. Согласно части первой статьи 83 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» решение Конституционного Суда Российской Федерации может быть официально разъяснено только самим Конституционным Судом Российской Федерации в пленарном заседании или заседании палаты, принявшей это решение. Тем самым предполагается, что решение, принятое в заседании палаты Конституционного Суда Российской Федерации, по общему правилу, разъясняется в заседании той же палаты, хотя, по буквальному смыслу названной нормы, не исключается и возможность рассмотрения вопроса о разъяснении решения, принятого в заседании палаты, в пленарном заседании Конституционного Суда Российской Федерации.

В данном случае Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь частью первой статьи 21 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», предоставляющей ему право рассмотреть в пленарном заседании любой вопрос, входящий в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации, полагает целесообразным рассмотреть вопрос о разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления от 2 февраля 1999 года № 3-П в пленарном заседании Конституционного Суда Российской Федерации.

3. Правовая позиция, выраженная в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П, заключается в следующем.

Из статьи 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации, согласно которой смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо

тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, во взаимосвязи со статьями 18 и 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации следует, что в этих случаях право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей выступает особой уголовно-процессуальной гарантией судебной защиты права каждого на жизнь (как основного, неотчуждаемого и принадлежащего каждому от рождения) и в силу ее статьи 19 (части 1 и 2) должно быть обеспечено на равных основаниях и в равной степени всем обвиняемым независимо от места совершения преступления, установленной федеральным законом территориальной и иной подсудности таких дел и прочих подобного рода обстоятельств.

Соответственно, в тех субъектах Российской Федерации, где на момент принятия Постановления суды присяжных уже были созданы, обвиняемые в преступлениях, за совершение которых установлена смертная казнь, при определении меры наказания не должны были ставиться в неравноправное положение по сравнению с обвиняемыми в таких же преступлениях в субъектах Российской Федерации, где суд присяжных не функционирует; в такой ситуации применение исключительной меры наказания исказило бы предназначение и существо права, гарантированного статьей 20 Конституции Российской Федерации и, кроме того, явилось бы существенным нарушением принципа равенства, закрепленного ее статьей 19.

Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что с момента вступления в силу данного Постановления и до введения в действие федерального закона, обеспечивающего на всей территории Российской Федерации в любой из возможных форм осуществления судопроизводства каждому обвиняемому в преступлении, за совершение которого федеральным законом в качестве исключительной меры наказания установлена смертная казнь, право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, наказание в виде смертной казни назначаться не может независимо от того, каким составом суда

рассматривается дело – судом с участием присяжных заседателей, коллегией в составе трех профессиональных судей или судом в составе судьи и двух народных заседателей.

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации, разрешая в рамках предмета рассмотрения по данному делу вопрос о возможности назначения наказания в виде смертной казни, исходил прежде всего из необходимости обеспечения гражданам равного права на рассмотрение их дел судом с участием присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации.

Из этого не следует, однако, отрицание необходимости учета других обстоятельств, при наличии которых повсеместное введение в Российской Федерации суда с участием присяжных заседателей не означало бы автоматическое отпадение других условий для неприменения смертной казни, в том числе непосредственно не затронутых в Постановлении тенденций в решении вопроса о смертной казни, связанных с международными обязательствами Российской Федерации в отношении моратория на применение смертной казни. Имея основания полагать, что данный вопрос разрешится в разумные сроки, по крайней мере не превышающие сроки формирования судов с участием присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации, следуя предмету рассмотрения, проявил разумную сдержанность в отражении этого обстоятельства в тексте Постановления.

4. Согласно части второй статьи 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации принимает решение по делу, оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов, включая международные договоры Российской Федерации, которые в силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации,

Федерации являются составной частью правовой системы Российской Федерации.

Соответственно, при выработке правовой позиции, выраженной в Постановлении от 2 февраля 1999 года № 3-П, Конституционный Суд Российской Федерации не мог не принимать во внимание, что вытекающее из статьи 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации право на рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей, предоставляемое обвиняемому в преступлении, за совершение которого в качестве исключительной меры наказания установлена (впредь до ее отмены) смертная казнь, должно осуществляться с учетом общепризнанных принципов и норм международного права, а также положений международных договоров Российской Федерации. Давая официальное разъяснение данного Постановления, Конституционный Суд Российской Федерации также не может не учитывать указанное обстоятельство.

Поскольку Постановление от 2 февраля 1999 года № 3-П действует в течение достаточно большого срока и, кроме того, имеет распространение во времени и по кругу лиц, аналогичное нормативным предписаниям, Конституционный Суд Российской Федерации при разъяснении данного Постановления исходит из его взаимосвязи с другими правовыми актами, в том числе с действующими в сфере международного права прав человека нормами о неприменении смертной казни как вида наказания и международными договорами Российской Федерации, а также из динамики регулирования соответствующих правоотношений и тенденций в мировом сообществе, частью которого осознает себя Российская Федерация (преамбула Конституции Российской Федерации).

4.1. В международном нормотворчестве существует устойчивая тенденция к отмене смертной казни (Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни; Второй факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленный на отмену смертной казни; Протокол к

Американской конвенции о правах человека об отмене смертной казни) вплоть до полного и безусловного ее запрета, предусмотренного вступившим в силу в 2003 году Протоколом № 13 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Свидетельством этой общемировой тенденции служат также принятые Генеральной Ассамблеей ООН резолюции 62/149 от 18 декабря 2007 года и 63/168 от 18 декабря 2008 года, призывающие государства – члены ООН ограничивать применение смертной казни и сокращать число преступлений, за совершение которых она может назначаться, а также ввести мораторий на приведение смертных приговоров в исполнение.

Выраженное Российской Федерацией намерение установить мораторий на приведение в исполнение смертных приговоров и принять иные меры по отмене смертной казни было одним из существенных оснований для ее приглашения в Совет Европы.

Именно «опираясь на обязательства и договоренности», включая намерение «подписать в течение одного года и ратифицировать не позднее чем через три года после вступления в Совет Европы Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, касающийся отмены смертной казни в мирное время, и установить со дня вступления в Совет Европы мораторий на исполнение смертных приговоров», Парламентская Ассамблея Совета Европы рекомендовала Комитету Министров Совета Европы пригласить Россию стать членом Совета Европы (подпункт «ii» пункта 10 заключения Парламентской Ассамблеи Совета Европы от 25 января 1996 года № 193 по заявке России на вступление в Совет Европы). Это и другие намерения, выраженные Россией, рассматриваются в резолюции Комитета Министров Совета Европы (96) 2, которой Россия приглашалась стать членом Совета Европы, как «принятые обязательства и заверения об их выполнении» и как неотъемлемое условие направления ей приглашения, т.е. имеют существенное политико-правовое значение.

Принятие Российской Федерацией приглашения Комитета Министров Совета Европы было законодательно оформлено федеральными законами от 23 февраля 1996 года № 19-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Уставу Совета Европы» и от 23 февраля 1996 года № 20-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Генеральному соглашению о привилегиях и иммунитетах Совета Европы и протоколам к нему». Присоединившись к уставным документам Совета Европы, Российская Федерация тем самым подтвердила свои заверения и обязательства, на условиях исполнения которых состоялось ее приглашение в Совет Европы. «Серьезным обязательством» России отмена смертной казни была названа и в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 30 марта 1999 года.

4.2. Согласно Протоколу № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод смертная казнь отменяется; никто не может быть приговорен к смертной казни или казнен (статья 1); государство может предусмотреть в своем законодательстве смертную казнь за действия, совершенные во время войны или при неизбежной угрозе войны; подобное наказание применяется только в установленных законом случаях и в соответствии с его положениями; государство сообщает Генеральному секретарю Совета Европы соответствующие положения этого законодательства (статья 2); при этом не допускаются отступления от положений Протокола и оговорки на основании статей 15 и 57 Конвенции (статьи 3 и 4); Протокол подлежит ратификации, принятию или одобрению; ратификационные грамоты или документы о принятии или одобрении сдаются на хранение Генеральному секретарю Совета Европы (статья 7).

По состоянию на 1 ноября 2009 года Протокол № 6 подписан и ратифицирован 46 государствами – членами Совета Европы и вступил для них в силу. Российской Федерацией он был подписан 16 апреля 1997 года, и его предстояло ратифицировать (учитывая выраженное Россией при принятии ее 28 февраля 1996 года в Совет Европы обязательство

присоединиться к данному Протоколу не позднее чем через три года с момента вступления в Совет Европы) до 28 февраля 1999 года.

Проект федерального закона о ратификации Протокола № 6 был внесен Президентом Российской Федерации в Государственную Думу 6 августа 1999 года (одновременно с проектом федерального закона, предусматривающим внесение изменений и дополнений в уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации). «Ратификация указанного Протокола, – отмечается в сопроводительном письме, – подтвердит приверженность Российской Федерации принципам гуманизма, демократии и права, а также будет способствовать осуществлению установленных Конституцией Российской Федерации положений, касающихся защиты главного естественного права человека – права на жизнь» (письмо Президента Российской Федерации от 6 августа 1999 года № Пр-1025). Распоряжением Президента Российской Федерации от 28 августа 2001 года № 462-рп были назначены его официальные представители при рассмотрении палатами Федерального Собрания вопроса о ратификации Протокола № 6. Государственная Дума, в свою очередь, в феврале 2002 года приняла обращение к Президенту Российской Федерации о преждевременности его ратификации. Тем не менее соответствующий законопроект отклонен ею не был и, следовательно, находится на рассмотрении.

4.3. Тот факт, что Протокол № 6 до сих пор не ратифицирован, в контексте сложившихся правовых реалий не препятствует признанию его существенным элементом правового регулирования права на жизнь.

В соответствии со статьей 18 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года государство обязано воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели, если: а) оно подписало договор или обменялось документами, образующими договор, под условием ратификации, принятия или утверждения до тех пор, пока оно не выразит ясно своего намерения не стать участником этого договора; или б) оно выразило согласие на обязательность для него договора,

– до вступления договора в силу и при условии, что такое вступление в силу не будет чрезмерно задерживаться.

Таким образом, Российская Федерация связана требованием статьи 18 Венской конвенции о праве международных договоров не предпринимать действий, которые лишили бы подписанный ею Протокол № 6 его объекта и цели, до тех пор, пока она официально не выразит свое намерение не быть его участником. Поскольку основным обязательством по Протоколу № 6 является полная отмена смертной казни, включая изъятие из законодательства данного вида наказания за все преступления, за исключением «действий, совершенных во время войны или при неизбежной угрозе войны», и отказ от его применения за тем же исключением, в России с 16 апреля 1997 года смертная казнь применяться не может, т.е. наказание в виде смертной казни не должно ни назначаться, ни исполняться.

5. Выполнение обязательства не лишать Протокол № 6 – как подписанный, но не ратифицированный международный договор – его объекта и цели возлагается на государство в целом. Если органы, представляющие какую-либо из ветвей государственной власти, допускают отклонение от этого обязательства, его соблюдение может быть обеспечено другими ветвями власти – исходя из принципа разделения властей и принципа согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти, гарантируемого Президентом Российской Федерации (статья 10; статья 80, часть 2, Конституции Российской Федерации), с тем чтобы выполнение государством в целом своих обязательств оставалось в рамках статьи 18 Венской конвенции о праве международных договоров.

Уже после того как Россия была принята в Совет Европы и подписала Протокол № 6, российские суды в отдельных случаях выносили смертные приговоры. При этом постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 года № 8 и от 10 октября 2003 года № 5 ориентировали суды на применение вступивших в силу международных договоров, однако не затрагивали правовую ситуацию, возникающую после

подписания международного договора с условием его последующей ратификации. Что касается смертной казни, то в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 года № 1 прямо указано, что «смертная казнь как исключительная мера наказания может применяться за совершение особо тяжкого преступления, посягающего на жизнь» (пункт 20).

Вынесение судами смертных приговоров (а тем более приведение их в исполнение) могло бы составить нарушение Россией ее обязательств по статье 18 Венской конвенции о праве международных договоров в отношении Протокола № 6, однако, поскольку всякий раз имела место замена смертной казни в порядке помилования, осуществляемого Президентом Российской Федерации на основании статьи 89 (пункт «в») Конституции Российской Федерации, другим наказанием, не связанным с лишением жизни, решения судебной власти корректировались без вторжения в ее прерогативы, что позволило государству избежать нарушения своих международно-правовых обязательств. Этому способствовал и такой общеобязательный внутригосударственный правовой акт, как Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П, которое – хотя и было принято в связи с судебными процедурами назначения в качестве меры наказания смертной казни – по своей направленности не только соответствовало юридическим обязательствам, принятым на себя Российской Федерацией согласно статье 18 Венской конвенции о праве международных договоров в отношении Протокола № 6, но и усиливало их.

В дальнейшем Конституционный Суд Российской Федерации также рассматривал обращения, поступавшие от лиц, которым уже после подписания Россией Протокола № 6 вынесенное судом наказание в виде смертной казни заменялось в порядке помилования пожизненным заключением и которые ссылались не только на Конституцию Российской Федерации, но и на Протокол № 6. По этим обращениям Конституционным Судом Российской Федерации начиная с 2006 года был вынесен ряд

определений, в которых указывалось, что в связи с подписанием Российской Федерацией Протокола № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни и принятием Конституционным Судом Российской Федерации Постановления от 2 февраля 1999 года № 3-П в настоящее время на территории Российской Федерации наказание в виде смертной казни назначаться не может и, следовательно, сложившаяся правовая ситуация не противоречит ни смыслу конституционных норм, ни смыслу международно-правовых обязательств Российской Федерации.

Правовая позиция, рассматривающая Протокол № 6 наряду с Постановлением от 2 февраля 1999 года № 3-П в качестве оснований недопустимости применения наказания в виде смертной казни, предусмотренного уголовным законодательством, содержится в определениях Конституционного Суда Российской Федерации от 17 октября 2006 года № 434-О, от 15 мая 2007 года № 380-О-О, от 16 октября 2007 года № 682-О-О, 684-О-О, 686-О-О – 689-О-О, 692-О-О и 712-О-О, от 18 декабря 2007 года № 935-О-О и № 943-О-О, от 24 января 2008 года № 54-О-О. Указанные решения Конституционного Суда Российской Федерации – учитывая неоднозначное понимание в судебной практике юридической силы подписанного, но не ратифицированного Протокола № 6 – предотвращали возможность назначения судами смертной казни.

6. В связи с вступлением Российской Федерации в Совет Европы и подписанием Протокола № 6 предполагалось, что введенный на этой основе в правовой системе Российской Федерации временный мораторий на применение смертной казни – после ратификации Протокола № 6 (т.е. не позднее 28 февраля 1999 года) – трансформируется в постоянно действующую норму, согласно которой никто не может быть приговорен к смертной казни или казнен. Одновременно с ратификацией Протокола № 6 соответствующие изменения, связанные с отменой этой санкции, должны были быть внесены в уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство, о чем свидетельствует законопроект,

направленный в Государственную Думу Президентом Российской Федерации.

Поскольку Протокол № 6 до сих пор не ратифицирован, он как таковой не может рассматриваться в качестве нормативного правового акта, непосредственно отменяющего в Российской Федерации смертную казнь в смысле статьи 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации. При этом в федеральном законодательстве сохраняются положения, предусматривающие данный вид наказания и, соответственно, процедуры его назначения и исполнения.

Вместе с тем, как следует из правовых позиций, выраженных в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П во взаимосвязи с другими его решениями, смертная казнь как исключительная мера наказания, установленная Уголовным кодексом Российской Федерации, по смыслу статьи 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации, допустима лишь в качестве временной меры («впредь до ее отмены») в течение определенного переходного периода. В настоящее время соответствующие положения Уголовного кодекса Российской Федерации не могут применяться, поскольку сложившееся в Российской Федерации правовое регулирование права на жизнь, основанное на положениях статьи 20 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 15 (часть 4) и 17 и включающее также решения Конституционного Суда Российской Федерации, устанавливает запрет на назначение смертной казни и исполнение ранее вынесенных приговоров: в отношении запрета на вынесение смертных приговоров Российская Федерация связана конституционно-правовыми по своей природе обязательствами, вытекающими как из международно-правовых договоров, так и из внутригосударственных правовых актов, принятых Федеральным Собранием – парламентом Российской Федерации, Президентом Российской Федерации, Конституционным Судом Российской Федерации.

Это означает, что в Российской Федерации действует конкретизирующий закрепленные Конституцией Российской Федерации

гарантии права на жизнь комплексный мораторий на применение смертной казни, который, по смыслу составляющих его правовых актов, первоначально предполагался в качестве краткосрочного. Вместе с тем данное правовое регулирование сохраняет свое действие более 10 лет (с момента принятия Россией на себя обязательств при вступлении в Совет Европы (28 февраля 1996 года) и подписания Протокола № 6 (16 апреля 1997 года), а также установления Конституционным Судом Российской Федерации (Постановление от 2 февраля 1999 года № 3-П) прямого запрета – в отсутствие надлежащих процессуальных гарантий – на назначение смертной казни) и легитимировано сложившейся правоприменительной практикой, в том числе последующими решениями Конституционного Суда Российской Федерации и решениями судов общей юрисдикции.

7. Таким образом, в Российской Федерации на основе Конституции Российской Федерации и конкретизирующих ее правовых актов смертная казнь как наказание уже длительное время не назначается и не исполняется. В результате столь продолжительного по времени действия моратория на применение смертной казни, элементом правовой основы которого является Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П во взаимосвязи с другими его решениями, сформировались устойчивые гарантии права не быть подвергнутым смертной казни и сложился легитимный конституционно-правовой режим, в рамках которого – с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, – происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни, как исключительной меры наказания, носящей временный характер («впредь до ее отмены») и допускаемой лишь в течение определенного переходного периода, т.е. на реализацию цели, закрепленной статьей 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации.

Этим не затрагиваются прерогативы Федерального Собрания в отношении ратификации Протокола № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьей 6, частью четвертой статьи 71, частями первой и второй статьи 72, частью первой статьи 79 и статьей 83 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Положения пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П в системе действующего правового регулирования, на основе которого в результате длительного моратория на применение смертной казни сформировались устойчивые гарантии права человека не быть подвергнутым смертной казни и сложился конституционно-правовой режим, в рамках которого – с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, – происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни, как исключительной меры наказания, носящей временный характер («впредь до ее отмены») и допускаемой лишь в течение определенного переходного периода, т.е. на реализацию цели, закрепленной статьей 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации, означают, что исполнение данного Постановления в части, касающейся введения суда с участием присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации, не открывает возможность применения смертной казни, в том числе по обвинительному приговору, вынесенному на основании вердикта присяжных заседателей.

2. Настоящее Определение, как содержащее официальное разъяснение Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П, с момента провозглашения становится неотъемлемой частью разъясняемого решения и подлежит применению в нормативном единстве с ним.

3. Настоящее Определение окончательно и обжалованию не подлежит.

4. Настоящее Определение подлежит опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 1344-О-Р

**ОСОБОЕ МНЕНИЕ
СУДЬИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Ю.Д.РУДКИНА**

Конституционный Суд Российской Федерации Определением от 19 ноября 2009 года № 1344-О-Р о разьяснении пункта 5 резолютивной части Постановления от 2 февраля 1999 года № 3-П определил, что положения пункта 5 резолютивной части данного Постановления в системе действующего правового регулирования, на основе которого в результате длительного моратория на применение смертной казни сформировались устойчивые гарантии права человека не быть подвергнутым смертной казни и сложился конституционно-правовой режим, в рамках которого – с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, – происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни, как исключительной меры наказания, носящей временный характер («впредь до ее отмены») и допускаемой лишь в течение определенного переходного периода, т.е. на реализацию цели, закрепленной статьей 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации, означают, что исполнение данного Постановления в части, касающейся введения суда с участием присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации,

не открывает возможность применения смертной казни, в том числе по обвинительному приговору, вынесенному на основании вердикта присяжных заседателей.

Будучи не согласен с большинством судей в части указанного вывода, считаю необходимым изложить свое особое мнение.

1. Верховный Суд Российской Федерации просит разъяснить предписание пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года №3-П, поскольку полагает, что оно может породить противоречивую правоприменительную практику по вопросу о возможности назначения наказания в виде смертной казни после введения судов с участием присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации.

Неоднозначное понимание этого предписания, считает заявитель, обусловлено тем, что Российской Федерацией в соответствующих правовых формах выражено согласие с международно-правовыми актами, направленными на отмену смертной казни в мирное время: в частности, подписав 16 апреля 1997 года Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Российская Федерация обязана, как того требует статья 18 Венской конвенции о праве международных договоров, воздерживаться от действий, которые лишили бы данный Протокол его объекта и цели, до тех пор, пока не выразит своего намерения не стать его участником; между тем до настоящего времени Российская Федерация не ратифицировала Протокол № 6, но и не выразила своего намерения не стать его участником.

По смыслу статьи 83 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», официальное разъяснение Конституционным Судом Российской Федерации вынесенного им решения дается только в рамках предмета этого решения и лишь по тем требующим дополнительного истолкования вопросам, которые были предметом рассмотрения в судебном заседании; ходатайство о даче разъяснения решения Конституционного Суда Российской Федерации не подлежит

удовлетворению, если поставленные в нем вопросы не требуют какого-либо дополнительного истолкования этого решения или же предполагают необходимость формулировки новых правовых позиций, не нашедших в нем отражения.

2. Согласно пункту 3 мотивировочной части Постановления от 2 февраля 1999 года № 3-П предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу являлись нормативные положения, содержащиеся в статье 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, а также в пунктах 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях», послужившие основанием для отказа обвиняемым в преступлениях, за совершение которых федеральным законом установлено наказание в виде смертной казни, в реализации права на рассмотрение их дел судом с участием присяжных заседателей, гарантированного статьей 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации. *При этом конституционность установления федеральным законом исключительной меры наказания в виде смертной казни, равно как и конституционность применения смертной казни заявителями не оспаривались и потому предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации не являлись* (выделено мною – Ю.Р.).

Таким образом, констатируется в Определении от 19 ноября 2009 года № 1344-О-Р, Конституционный Суд Российской Федерации, разрешая в рамках предмета рассмотрения по данному делу вопрос о возможности назначения наказания в виде смертной казни, исходил только лишь из необходимости обеспечения гражданам равного права на рассмотрение их дел судом с участием присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации, в связи с чем пришел к итоговому выводу о том, что с момента вступления в силу данного Постановления и до введения в действие

федерального закона, обеспечивающего на всей территории Российской Федерации в любой из возможных форм осуществления судопроизводства каждому обвиняемому в преступлении, за совершение которого федеральным законом в качестве исключительной меры наказания установлена смертная казнь, право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, наказание в виде смертной казни назначаться не может независимо от того, каким составом суда рассматривается дело – судом с участием присяжных заседателей, коллегией в составе трех профессиональных судей или судом в составе судьи и двух народных заседателей.

Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированная им в Постановлении от 2 февраля 1999 года № 3-П, заключается в следующем.

Из статьи 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации, согласно которой смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, во взаимосвязи со статьями 18 и 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации следует, что в этих случаях право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей выступает особой уголовно-процессуальной гарантией судебной защиты права каждого на жизнь (как основного, неотчуждаемого и принадлежащего каждому от рождения) и в силу ее статьи 19 (части 1 и 2) должно быть обеспечено на равных основаниях и в равной степени всем обвиняемым независимо от места совершения преступления, установленной федеральным законом территориальной и иной подсудности таких дел и прочих подобного рода обстоятельств.

Полагаю, что приведенная правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации не может быть истолкована иначе как допустимость назначения наказания в виде смертной казни с момента создания судов

присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации, т.е. с 1 января 2010 года, поскольку именно с этой даты начнет функционировать суд присяжных заседателей в Чеченской Республике – последнем субъекте Российской Федерации, где такой суд не был сформирован. Иное расходилось бы со смыслом и содержанием Постановления, не соответствовало бы заложенной в нем аргументации и характеру взаимосвязей между теми отправными конституционными положениями и принципами, в соответствии с которыми сформулирован его итоговый вывод.

Таким образом, Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П четко определяет условия, при наступлении которых наказание обвиняемым в преступлениях, за совершение которых предусмотрена смертная казнь, назначаться может.

Что касается вопроса об обязательствах Российской Федерации по статье 18 Венской конвенции о праве международных договоров, связанных с подписанием Протокола № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, затронутого в ходатайстве Верховного Суда Российской Федерации в связи с сомнениями относительно реализации пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П, которые могут возникнуть у судов общей юрисдикции, то следует отметить, что в названном Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации этот вопрос не исследовался и поэтому в силу статьи 83 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» не подлежит разъяснению.

Исходя из изложенного полагаю, что Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь частями первой и четвертой статьи 71, частью первой статьи 79 и статьей 83 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Определением от 19 ноября 2009 года № 1344-О-Р должен был в ходатайстве Верховному Суду Российской Федерации о разъяснении пункта 5 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-

П по делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 постановления Верховного Суда Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР об административных правонарушениях» отказать.